Тамира
Травница
поневоле,
или
Куда деть
Боевого мага

Тамира Тамира

Травница поневоле, или Куда деть боевого мага

https://litres.ru/74640597
SelfPub; 2026

Аннотация

Боевой маг с отличием Велина Огнева, способная вскипятить озеро, ждала места в столичной страже. Но вместо службы она получила лавку травницы в деревне Глухомостье. Продать наследство нельзя — родовое проклятие привязывает хозяйку к месту.

Вместо капитала — развалюха с заколоченными ставнями, заросший сад и пересохший фонтан. В комплекте: вздыхающее привидение, домовушка с вечно пригорающей кашей, сова в очках, вредный Дворовой с ледяной водой и черный кот с рожками. Кот призван случайно: это Страж с Изнанки с ядовитым шипом на хвосте, крыльями и убийственным сарказмом.

Пока Велина превращает руины в лавку, появляются дальние родственники прежней хозяйки. Им нужны фамильные артефакты, и они готовы на убийство. Вот только они не учли, что этот дом умеет защищать своих.

Тамира
Травница поневоле, или Куда деть боевого мага

Глава 1. Огненная Кара получает диплом

Главный зал Академии Высших Магических Искусств города Стольграда гудел, как улей в сезон медосбора. Под высокими сводами, увитыми гирляндами из зачарованных цветов, которые никогда не вяли, собрались выпускники, их семьи и преподаватели. Парящие под потолком светляки — крошечные магические огоньки, выведенные специально для торжественных церемоний, — заливали помещение тёплым золотистым светом. Церемония вручения дипломов шла уже второй час, и ректор, архимагистр Теодор Ветровей, чувствовал, как его парадная мантия насквозь пропиталась потом.

Он стоял на сцене, держа в одной руке посох из окаменелого дуба, а в другой — очередной дипломный свиток. Его окладистая седая борода была безупречно расчёсана, а улыбка отрепетирована до автоматизма. Каждому выпускнику — пара тёплых слов, рукопожатие, свиток с алой печатью. Отработанная годами схема.

Ректор мысленно отсчитывал, сколько имён осталось до конца списка. Осталось трое. Двое. Один...

А потом он увидел следующее имя.

Улыбка застыла. Где-то в глубине души, там, где у нормальных людей живёт надежда, у архимагистра Ветровея поселилось стойкое желание сбежать через запасной выход. Он подавил его усилием воли и поправил мантию.

— Велина Огнева, — произнёс он голосом, который, как ему казалось, звучал торжественно, а на самом деле напоминал предсмертный хрип.

Из рядов выпускников поднялась она.

Невысокая, но держащаяся так, будто весь зал принадлежал ей по праву рождения. Рыжеватые волосы, собранные в небрежный пучок, из которого уже выбились непокорные пряди. Зелёные глаза, в которых плясали искры — в самом прямом смысле. Когда Велина волновалась, злилась или просто находилась в приподнятом настроении, её магия просачивалась наружу. Искры сыпались с кончиков пальцев, вспыхивали в волосах, а однажды — о чём в Академии до сих пор рассказывали шёпотом — подожгли декану некромантии лысину.

Декан, магистр Некрос, сидел в первом ряду и нервно поглаживал отросшие за полгода волосы. Когда Велина проходила мимо, он инстинктивно пригнулся.

— Иду, иду, — бросила она, поднимаясь на сцену.

Её мантия была чуть короче, чем полагалось по уставу, а на подоле красовалось выжженное пятно — результат неудачного эксперимента с зельем взрывного роста. Вели-

на утверждала, что это «дизайнерское решение». Комендант общежития с ней не соглашался, но спорить боялся.

Ректор протянул ей свиток. Велина взяла его, покрутила в руках и, не церемонясь, сунула под мышку.

— С отличием, — прочитала она вслух и хмыкнула. — Надо же. А мне говорили, что за поджог полигона отчисляют.

В зале кто-то нервно хихикнул. Кто-то закашлялся, пытаясь скрыть смех. Магистр Некрос закрыл глаза и, кажется, начал беззвучно молиться.

— Мы... э-э-э... решили проявить педагогическую гибкость, — выдавил ректор, чувствуя, как по виску катится капля пота. — Ваши нестандартные решения, госпожа Огнева, при всех их... гм... разрушительных последствиях, демонстрируют выдающийся магический потенциал и неординарное мышление.

— Это вы хорошо сказали, — одобрила Велина. — «Неординарное мышление». Надо запомнить. Буду использовать, когда меня в следующий раз попытаются арестовать.

Она повернулась к залу, прищурилась и начала загибать пальцы:

— Три сожжённых кабинета. Один разнесённый полигон. Случай с деканом Некросом...

— Я всё ещё здесь! — подал голос декан с первого ряда. Его голос дрожал.

— Вижу, вижу, — отмахнулась Велина. — Лысина отросла, поздравляю. Кстати, вам идёт седина. Солиднее смотри-

тесь.

Зал грохнул. Уже не скрываясь. Кто-то из младших преподавателей уткнулся лицом в программку церемонии, плечи его тряслись. Даже суровый магистр боевой подготовки, обычно неодобрительно относившийся к выходкам Велины, позволил себе скупую улыбку.

Ректор, пользуясь паузой, наклонился к самому уху Велины и зашептал — так, чтобы слышала только она:

— Велина, я хочу, чтобы ты знала. Ты — одна из самых одарённых студенток за все сорок лет моей работы. Твой потенциал огромен. Твоя сила впечатляет. И я бесконечно, безмерно, всей душой рад, что ты наконец-то выпускаешься.

Он выдохнул. Это был не обычный выдох. Это был выдох человека, который четыре года жил на пороховой бочке, и вот бочку наконец выкатили за ворота.

— Спасибо, что дипломировалась, — добавил он почти жалобно. — Теперь хоть не моя головная боль. Удачи тебе... где-нибудь подальше.

Велина посмотрела на него. В её зелёных глазах, в которых всё ещё плясали искры, мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее теплоту.

— Буду скучать по вашим нервным тикам, магистр, — сказала она. — И по тому, как вы прячетесь за кафедру, когда я вхожу в аудиторию. Это было мило.

— Я не прятался, — запротестовал ректор. — Я... проверял сохранность напольных досок.

— Конечно, — Велина улыбнулась. — Все четыре года. Очень тщательная проверка.

Она спрыгнула со сцены и приземлилась прямо перед деканом Некросом, который инстинктивно прикрыл голову руками.

— Магистр, — сказала она, — ваши волосы отросли просто великолепно. Густые, блестящие. Что используете?

— Страх, — честно ответил декан. — И специальную мазь от ожогов.

Велина рассмеялась и похлопала его по плечу — бережно, почти ласково.

— Не бойтесь. Я выпускаюсь. Теперь будете скучать по моим выходкам.

— Буду молиться, — пообещал декан.

Велина пошла к выходу, оставляя за собой дорожку из гаснущих в воздухе искр. Выпускники расступались перед ней, как море перед носом корабля. Кто-то смотрел с восхищением, кто-то — с облегчением, что она больше не будет устраивать внеплановые взрывы на общих практикумах.

У дверей её перехватил однокурсник — Мирослав, невысокий парень в очках, специализировавшийся на защитных заклинаниях. Они не были друзьями, но за четыре года привыкли друг к другу.

— Велина, — сказал он, поправляя очки. — Поздравляю. С отличием — это сильно.

— Спасибо, Мирослав.

— Какие планы? Столичная стража?

— Вроде того, — она не стала вдаваться в подробности. Завещание Веданы всё ещё лежало в сумке, но она не была готова обсуждать это с кем-либо. — А ты?

— Меня берут в городскую стражу. Защитные барьеры, охранные чары. Скучно, но стабильно.

— Поздравляю. Ты всегда был хорош в защите. Помнишь, как прикрыл меня на третьем курсе, когда мой огненный шар срикошетил?

Мирослав побледнел.

— Я пытаюсь забыть этот день последние два года. Ты мне чуть брови не спалила.

— Но не спалила же! — Велина улыбнулась. — Благодаря твоему барьеру. Так что ты — герой.

— Герой с седыми волосами, — пробормотал Мирослав, но улыбнулся в ответ. — Ладно, Огнева. Удачи тебе. Надеюсь, в столичной страже знают, кого берут.

— Ещё не знают, — сказала Велина. — Но скоро узнают.

Она вышла в главный коридор Академии. Высокие сводчатые потолки, каменные стены, увитые магическим плющом, который светился в темноте, помогая студентам не заблудиться ночью. Она провела здесь четыре года — и теперь уходила навсегда.

Странное чувство. Не грусть, нет. Скорее... предвкушение. Новая жизнь. Новая работа. Новые возможности.

Велина толкнула тяжёлую дубовую дверь и вышла во

внутренний двор Академии.

Солнце светило ярко, птицы пели где-то в кронах старых дубов, обрамлявших двор. Другие выпускники выходили из зала, смеялись, обнимались с родными, строили планы. Велина стояла в стороне. Ей не с кем было обниматься — бабушка умерла два года назад, других родственников она не знала. Из друзей... ну, в Академии у неё было больше соперников, чем друзей. Что поделать — характер.

Она сунула диплом в сумку и направилась к скамейке под старым дубом — отдохнуть, подумать, помечтать о будущем. Села, вытянула ноги, подставила лицо солнцу.

— Столичная стража, — пробормотала она. — Собственный кабинет. Полигон для тренировок. И никаких деканов с их лысинами.

— Я всё ещё здесь! — донёсся слабый голос откуда-то из-за угла.

Велина улыбнулась и закрыла глаза.

Она ещё не знала, что все её планы рухнут через несколько минут.

Глава 2. Капкан судьбы

Велина сидела на скамейке под старым дубом, подставив лицо солнцу, и мечтала. Мечты были простыми и ясными: столичная стража, собственный кабинет, полигон для тренировок и никаких деканов с их лысинами. Жизнь казалась прекрасной.

— Госпожа Велина Огнева?

Голос прозвучал так неожиданно, что Велина вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стоял невысокий человечек в сером костюме, с кожаным портфелем в руках. У него были маленькие, аккуратные усики и глаза цвета выцветшего пергамента. Выражение лица — как у человека, который привык сообщать новости, от которых людям хочется выпить.

— Допустим, — сказала Велина, скрещивая руки на груди. По спине пробежал холодок — верный признак того, что её что-то насторожило. — А вы кто?

— Позвольте представиться. Клемент Буквоед, нотариус третьей гильдии, поверенный в делах усопших и хранитель последних воль. — Он чуть поклонился. — У меня для вас известие.

— Известие? — Велина приподняла бровь. — От кого?

— От вашей дальней родственницы. Веданы Травницы. Она скончалась две недели назад и оставила завещание.

Велина нахмурилась. Имя было знакомым — она слышала его от бабушки. Та иногда рассказывала семейные истории, в которых фигурировала какая-то троюродная тётка, жившая в глуши и державшая лавку с травами. «Ведана — последняя из настоящих, сильных, — говорила бабушка, и в её голосе звучала странная смесь уважения и грусти. — Но род угасает, и лавка уйдёт чужим. Жаль».

Велина тогда не придала этому значения — мало ли о ком вздыхают старики? Но сейчас, услышав имя Веданы из уст

нотариуса, она вдруг ощутила, как по позвоночнику пробежал холодок.

— И что в завещании? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Надеюсь, состояние? Замок? Тайный счёт в гномьем банке?

Нотариус кашлянул. В его кашле слышалось что-то, похожее на извинение.

— Не совсем. Госпожа Ведана оставила вам лавку.

Велина моргнула.

— Лавку?

— Травяную лавку. В деревне Глухомостье. Вместе с домом, прилегающим садом и всем содержимым.

В голове Велины пронеслись картины, одна ужаснее другой: вместо боевого плаща — передник. Вместо полигона — грядки с ромашкой. Вместо вражеских некромантов — старушки с радикулитом.

— Лавку, — повторила она уже без вопросительной интонации. — Травяную. Лавку. В деревне. Мне. Боевому магу, который может вскипятить озеро одним движением пальца. Вы серьёзно?

— Абсолютно серьёзно, — нотариус деликатно отвёл глаза. — Но это ещё не всё. В завещании указано условие.

— Какое?

— Лавку нельзя продавать. Нельзя передавать третьим лицам. Нельзя сдавать в аренду. Вы обязаны лично вести дело.

Велина почувствовала, как внутри закипает ярость. Искры в волосах вспыхнули ярче, а вокруг скамейки начал нагреваться воздух.

— А если я откажусь? — спросила она сквозь зубы.

Нотариус открыл портфель и достал свиток, перевязанный чёрной лентой с сургучной печатью. Печать была старой, покрытой трещинами, но на ней всё ещё различался герб — скрещённые ветви трав и маленький котелок. Семейный герб, о существовании которого Велина даже не подозревала.

— В таком случае, — произнёс он тихо, — вступает в силу родовое проклятие. Оно навсегда лишит вас магии.

Велина замерла. Протянула руку и взяла свиток.

В тот момент, когда её пальцы коснулись бумаги, она это почувствовала. Слабый, едва уловимый импульс — как тихий шёпот на грани слышимости, как лёгкое дуновение ледяного ветра. Магия, заключённая в завещании, потянулась к ней, пробуя на вкус, проверяя, та ли это кровь, которую она ждала. И, кажется, узнала.

Искры в волосах Велины погасли. Все разом.

— Что это? — прошептала она.

— Проклятие реагирует на кровь, — пояснил нотариус. — Оно признало вас. Теперь оно привязано к вам. Если вы откажетесь от наследства, оно исполнится.

Велина развернула свиток и пробежала глазами по строчкам. Почерк был старым, витиеватым, но разборчивым.

«Проклятие рода падёт на ослушницу, — гласил текст. — И магия покинет её, и сила уйдёт, как вода в песок, и станет она пуста, как сосуд без вина».

— Очень поэтично, — пробормотала она. — Кто составлял — сама Ведана или её адвокат?

— Госпожа Ведана была весьма предусмотрительной женщиной. Она очень не хотела, чтобы лавка досталась чужакам. Родовая магия, знаете ли. Кровь к крови.

— Кровь к крови, — повторила Велина, и её голос зазвенел от ярости. — Я боевой маг! Я четыре года училась взрывать, поджигать и испепелять! Меня ждали в столичной страже! А вы предлагаете мне поехать в какую-то дыру и торговать ромашкой?!

Она вскочила со скамейки. Вокруг неё вспыхнуло кольцо огня — трава под ногами обуглилась, а от жара заскрипели ветви старого дуба. Птицы, певшие в кронах, испуганно замолкли и сорвались с веток.

— Не предлагаю, — нотариус попятился, но не побежал. — Констатирую. Завещание заверено магически. Отказ от наследства запустит проклятие. Я бы на вашем месте...

— Да что вы знаете о моём месте?!

Огонь вспыхнул ярче.

Клемент Буквоед, к его чести, не побежал. Он просто закрыл глаза, втянул голову в плечи и стоял так, пока пламя не улеглось. Когда он их открыл, на его лице застыло выражение человека, который за годы работы повидал всякое.

— Я понимаю ваше негодование, — произнёс он спокойно. — Но завещание есть завещание. Проклятие рода — не шутка. Я слышал о случаях, когда ослушники теряли магию. Полностью. Навсегда. И не только магию — некоторые теряли и вкус к жизни, и интерес к миру. Магия для таких, как вы, — не просто инструмент. Это часть души.

Велина замерла. Огонь вокруг неё погас.

— Откуда вы знаете, какая у меня душа? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — признался нотариус. — Но я знаю законы родовой магии. Она не прощает пренебрежения. Это не наказание, не злая воля вашей родственницы. Это как течение реки. Если вы пытаетесь плыть против — оно утопит вас. Если вы принимаете его — оно вынесет вас к цели. Ваша тётка просто направила течение. А плыть или нет — решать вам.

Велина опустилась обратно на скамейку. Свиток всё ещё был у неё в руках, и она чувствовала, как магия в нём пульсирует — слабо, едва заметно, но ощутимо. Как тихое сердцебиение. Как дыхание спящего зверя. И в этом дыхании не было угрозы. Была... надежда? Ожидание?

— Глухомостье, — произнесла она с отвращением. — Даже название какое... глухое. И мох. Глушь и мох. Чудесно.

— Деревня небольшая, но уютная, — осторожно заметил нотариус. — Чистый воздух. Лес рядом. Речка.

— Речка, — повторила Велина убитым голосом. — Лес. Ромашка.

— И лавка. Очень хорошая лавка, я слышал. Вернее, была хорошей. Когда-то. До того, как госпожа Ведана отошла от дел.

— Отошла от дел, — эхом отозвалась Велина. — В мир иной отошла, а я теперь расхлёбывай.

Она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Из ушей шёл пар — в прямом смысле. Но кричать и взрывать больше не хотелось. Хотелось просто... принять вызов. Потому что если она что-то и ненавидела больше ромашки, так это проигрывать.

— Когда нужно ехать? — спросила она сквозь зубы.

Нотариус заметно оживился.

— Чем скорее, тем лучше. Дом стоит пустой уже несколько недель. За ним нужно присматривать. Дилижанс до Глухомостья отправляется завтра утром от восточных ворот.

— Завтра. Утром. У восточных ворот. Я буду.

Нотариус быстро сунул ей в руки конверт с документами, ключами и подробной картой и попятился.

— Я бы посоветовал вам не задерживаться, — добавил он. — Дом ждёт. И чем дольше он ждёт, тем сложнее будет его разбудить.

— Разбудить? — переспросила Велина, но нотариус уже ретировался с такой скоростью, будто за ним гналась стая василисков.

Она осталась одна во дворе. Солнце всё так же светило, но мир вокруг неё изменился.

Велина посмотрела на диплом в одной руке, на конверт с ключами в другой. Блестящая карьера боевого мага — и старая травяная лавка в глуши. Выбор, которого у неё не было.

— Ладно, тётушка Ведана, — пробормотала она, поднимаясь. — Посмотрим, что ты мне оставила.

Она сунула всё в сумку и направилась к общежитию. Нужно было собирать вещи.

***

Дилижанс отправлялся ровно в восемь утра. Старый, скрипучий, запряжённый парой лошадей, которые выглядели так, будто помнили ещё позапрошлого императора. Кучер — мрачный мужик с седыми усами и вечно прищуренными глазами — окинул Велину оценивающим взглядом и молча кивнул на дверцу.

Велина забросила чемодан на крышу — дилижанс покачнулся, — и забралась внутрь. Кроме неё, пассажиров не было. Видимо, желающих ехать в Глухомостье набиралось немного.

Дилижанс тронулся. Стольград медленно поплыл за окном: сначала высокие башни Академии, которые она, возможно, больше никогда не увидит, потом городские стены, потом пригороды с уютными домиками, а потом — бесконечные поля, леса и редкие деревушки.

Велина откинулась на жёсткую спинку сиденья и закрыла глаза. В голове крутились обрывки мыслей. Лавка. Травы.

Проклятие рода. Потеря магии. Ромашка. Последнее слово она произносила мысленно с особой ненавистью.

Но было и другое. То странное чувство, которое она испытала, коснувшись свитка: тихий зов, слабое, но несомненное ощущение, что где-то там, в глуши, её что-то ждёт. Не просто старый дом и заросший сад. Что-то большее.

Она вспомнила бабушкины рассказы. «Ведана — последняя из настоящих. Лавка уйдёт чужим. Жаль». Тогда Велина не понимала, почему это важно. Теперь начинала догадываться. Родовая магия — штука серьёзная. Если бабушка говорила с таким уважением, значит, тётка действительно была сильной ведьмой. И если она запечатала завещание родовым проклятием, значит, у неё были на то причины.

— Ладно, — буркнула она, не открывая глаз. — Посмотрим, что там за лавка такая, ради которой проклинают собственный род.

За окном проплывали поля. Лошади мерно цокали копытами. Кучер что-то напевал себе под нос — старую, заунывную мелодию без слов.

Путь занял почти весь день. Дилижанс трясся по ухабистым дорогам, несколько раз останавливался — сменить лошадей, дать пассажирам размяться. На одной из остановок Велина купила у дородной тётки пирог с капустой и съела его, сидя на лавке под старым вязом. Пирог был вкусным, но мысли о будущем отравляли аппетит.

Ближе к вечеру за окном показалась деревня. Покосив-

шийся указатель с полустёртой надписью «Глухомостье» торчал у дороги.

Дилижанс остановился. Кучер спрыгнул с козел, снял чемодан Велины и поставил на землю.

— Дальше пешком, — сказал он. — Лавка травницы — в конце главной улицы. Не промахнёшься.

— Почему это?

— Потому что она там одна, — хмыкнул кучер, запрыгнул обратно и, не прощаясь, развернул дилижанс в сторону Стольграда.

Велина осталась стоять посреди пустой дороги с чемоданом в руке. Вздохнула, поправила сумку на плече и зашагала по главной улице.

Деревня выглядела обычно. Деревянные дома, покосившиеся заборы, пара лающих собак вдалеке. Редкие прохожие провожали её долгими взглядами, но никто не заговаривал. Только какая-то старуха, сидевшая на лавке у колодца, проводила Велину изучающим взглядом и перекрестилась.

Улица закончилась, уткнувшись в опушку густого леса. И там, в самом конце, стоял дом.

Велина остановилась.

Дом был красивым. Даже сейчас, с заколоченными ставнями, облупившейся краской и мхом на крыше, в нём угадывалось былое величие. Высокое крыльцо с резными перилами, узор которых напоминал переплетённые травы. Эркер на втором этаже с мутными, но целыми стёклами. Простор-

ная веранда, уходящая в заросли сада.

За домом виднелся сад — вернее, то, что когда-то было садом. Сейчас это напоминало джунгли: буйная зелень, переплетённые ветви, трава по пояс. Где-то в глубине темнели кроны огромных деревьев — старых, древних, с толстыми стволами и раскидистыми ветвями.

Велина подошла к калитке. Ржавые петли заскрипели. В саду царила странная тишина — не просто отсутствие звуков, а именно Тишина. С большой буквы. Будто всё вокруг — деревья, кусты, трава — замерло и прислушивалось.

И ещё это тепло.

От старых деревьев исходило едва заметное тепло. Не физическое — магическое. Велина чувствовала его кожей, костями, всей своей сутью. Деревья спали, но не мёртвым сном, а чутким, как звери в зимней спячке. Готовые проснуться. Ждущие чего-то. Или кого-то.

Её собственная магия — огненная, порывистая — отозвалась на это тепло слабой дрожью. Будто поздоровалась. Будто узнала кого-то старого, давно забытого, но родного.

— Ладно, — сказала Велина вслух. — Дом и сад. Сад и дом. Посмотрим, что вы мне приготовили.

Где-то в глубине сада скрипнула ветка. Будто кто-то пошевелился во сне.

Она встряхнулась, подхватила чемодан и направилась к крыльцу. Ключ легко вошёл в замочную скважину. Дверь открылась с протяжным, жалостливым скрипом. Изнутри

пахнуло пылью, старым деревом и чем-то ещё — сладковато-пряным запахом бабушкиной кладовой, где хранились сушёные травы.

Велина перешагнула порог.

Внутри было темно. Она щёлкнула пальцами — на ладони зажёгся огонёк. Его света хватило, чтобы разглядеть прихожую, заставленную коробками и старыми банками, комод с мутным зеркалом и лестницу, ведущую наверх.

И пыль. Пыль была везде.

— Чудесно, — пробормотала Велина, чихая. — Просто чудесно. Дом-музей пыли. Буду водить экскурсии.

Она сделала шаг вперёд. Половица скрипнула.

И в этот момент где-то наверху раздался звук. Протяжный, тоскливый, полный вселенской печали.

— О-о-о-ох...

Велина замерла. Огонёк дрогнул.

— О-о-о-ох... — повторилось сверху. — Ох, ставни заколочены... Пыль кругом... Дом забытый... Сколько лет я ждала...

Велина медленно подняла голову. На верхней ступеньке лестницы, в полумраке, колыхалась полупрозрачная фигура — женщина в старинном платье, с бледным лицом и тёмными, полными печали глазами. Она смотрела на Велину и вздыхала так, будто на её плечах лежала вся скорбь этого мира.

Велина смотрела на призрака. Призрак смотрел на Вели-

ну. Огонь в её руке вспыхнул ярче.

— Вы, — сказала она медленно, — привидение, я полагаю?

— Привидение, — подтвердила женщина. — Мора я. Первая хозяйка этого дома. Давно это было... Муж построил, а детей боги не дали. Род угас, а я осталась. Ждала... Всё ждала...

Она прижала призрачный платок к глазам. Фантомные слёзы покатились вниз и исчезли, не долетая до пола.

— Мора, — перебила её Велина. — Очень приятно. А теперь скажите, вы всегда так вздыхаете? Или только по особым случаям?

Мора посмотрела на неё с недоумением. А потом в её тёмных глазах мелькнуло что-то странное — интерес? Искра живого любопытства, которая, казалось, давно угасла.

— Дерзкая хозяйка, — произнесла она, и в её голосе впервые прозвучало что-то, кроме печали. — Давно мне так не отвечали... Последней была моя свекровь, и та померла триста лет назад. Посмотрим, что из тебя выйдет.

Она начала таять в воздухе, но не исчезла полностью — только стала прозрачнее.

— Поздно уже... А ты горячая. Прямо как я в молодости. Отдыхай с дороги. Завтра дом проснётся по-настоящему. Завтра я тебе всё покажу — и дом, и сад, и лабораторию...

Последние слова растаяли вместе с призраком. Только запах лаванды и сырости остался в воздухе.

Велина постояла ещё минуту, глядя на пустую лестницу. Потом подхватила чемодан и пошла искать спальню.

— Травяная лавка, — бормотала она по дороге. — Дом с привидением. Сад со спящими деревьями. Лаборатория в подвале. И это только первый день.

Она нашла спальню на втором этаже — просторную комнату с кроватью под балдахином и окном в сад. Постельное бельё в шкафу оказалось почти свежим — пахло лавандой и чем-то успокаивающим.

Велина легла и закрыла глаза. За окном шелестели ветви. Где-то внизу Мора, наверное, всё ещё парила под потолком и тихо вздыхала.

— Ничего, — прошептала Велина в темноту. — Я боевой маг с отличием. Справлюсь.

И провалилась в сон.

Глава 3. Дом с привидением и домовушкой

Велина проснулась от запаха гари.

Первая мысль была — пожар. Вторая — «в моём доме пожар, а я даже не успела ничего поджечь». Третья — «как же вкусно пахнет». Четвёртая — «стоп, гарь не может пахнуть вкусно». Она открыла глаза, рывком села на кровати и принюхалась. Пахло дымом, да. Но к дыму примешивался ещё какой-то аромат — странный, почти забытый. Что-то среднее между подгоревшей кашей, печёным хлебом и отчаянной попыткой это исправить.

Велина накинула халат, найденный вчера в шкафу, и босиком побежала вниз по лестнице. Запах гари усиливался.

Источник обнаружился на кухне.

Кухня была огромной — целая пещь, выложенная кирпичом, занимала одну стену от пола до потолка. Под потолком, на протянутых верёвках, висели пучки сухих трав — они пахли даже сейчас, несмотря на общий хаос. Полки вдоль стен были уставлены глиняными горшками и банками. Посередине — длинный деревянный стол, заляпанный мукой и сажей.

А посреди этого великолепия, в столбе дыма, копошилась крошечная фигурка.

Велина нахмурилась, щёлкнула пальцами, и дым послушно втянулся в дымоход. Фигурка оказалась девчушкой — очень маленькой, Велине она доставала бы до пояса. Круглое личико, перепачканное сажей, взлохмаченные русые волосы, выбивающиеся из-под платка набок. На ней было некое подобие сарафана, сшитого из лоскутов, и передник, который когда-то, наверное, был белым, а теперь напоминал палитру художника-абстракциониста.

Девчушка стояла у печи и судорожно пыталась вытащить оттуда чугунок, из которого валил чёрный дым. Руки у неё дрожали, по щекам текли слёзы, оставляя светлые дорожки на чумазом лице. Рядом стояла кастрюля с водой, в которой плавал пепел. На противне лежали буханки хлеба — чёрные, покорёженные, явно не предназначенные для еды.

— Не получается... — всхлипывала она. — Опять не получается... Хозяюшка новая приехала, а я даже завтрак приготовить не могу... Дом меня не слышит... Печь не слушается... Вода не греется... Лучше уж сразу в подпол провалиться...

Чугунок накренился, и из него на пол вывалилось нечто угольно-чёрное. Девчушка издала тонкий писк и чуть не выронила посудину.

Велина смотрела на эту сцену несколько секунд. Четыре года в Академии её учили превращать врагов в пепел, а теперь ей предстояло... возиться с кашей? Но слёзы в глазах этого маленького существа почему-то раздражали меньше, чем пыль в углах. В конце концов, здесь хотя бы была жизнь. Пусть и подгоревшая.

— Отойди, — скомандовала она.

Девчушка вздрогнула, обернулась и, увидев Велину, издала ещё один писк — на этот раз громче. Чугунок выпал из её рук и с грохотом покатился по полу.

— Х-х-хозяйка! — пролепетала она. — Я... я это... я не виновата! То есть... виновата, конечно... Но я же старалась! Дом меня совсем не слышит! Я хотела как лучше — чтобы вы проснулись, а завтрак уже готов... А печь не слушается! И дрова сырые! И каша пригорает! И хлеб не поднялся!

Велина подошла к печи. Заглянула внутрь. Дрова действительно были сырыми — видимо, хранились где-то в подполе, куда просочилась вода. Заслонка стояла криво. Тяги не

было. Неудивительно, что ничего не готовилось.

— Дрова сменить, — сказала она скорее себе, чем кому-то. — Заслонку поправить. Печь прочистить. И огонь развести нормальный.

Она закатала рукава халата и вытянула руку к печи.

— Отойди подальше, — велела она девчушке. — Ещё дальше. За стол встань. Да, туда. И не высовывайся.

Девчушка шустро спряталась за столом, выглядывая из-за него одними глазами — огромными, голубыми, полными ужаса и восхищения одновременно.

Велина сосредоточилась. Огонь был её стихией. Она чувствовала его всегда — даже сейчас, в этой старой, сырой печи, где ещё теплились последние красные угольки. Она протянула ладонь и прикрыла глаза.

Из кончиков пальцев вырвалась тонкая струйка пламени — ярко-оранжевая, почти белая в сердцевине. Она влетела в печь, обняла угли, вдохнула в них жизнь. Через мгновение в печи весело заплясал огонь. Жаркий, ровный, послушный.

Сырые дрова зашипели, выпуская остатки влаги, но пламя даже не заметило этого. Оно горело ровно и мощно, как маленькое солнце, заключённое в кирпичную коробку. Кухня наполнилась теплом и светом.

Велина поправила заслонку, проверила тягу и удовлетворённо кивнула. Потом повернулась к девчушке.

— Так, — сказала она. — Теперь ты. Кто ты такая и что здесь делаешь?

Девчушка вылезла из-за стола. Она всё ещё дрожала, но в глазах, кроме страха, появилось что-то ещё. Восхищение? Благоговение? Надежда?

— Я Глаша, — пропищала она. — Домовушка я. При доме этом живу. Уже давно. Ещё при прежней хозяйке, при Ведане. А до неё — при другой хозяйке. А до той — ещё при одной. Я много кого помню.

— Домовушка, — повторила Велина. — Домашний дух. Хранительница очага.

— Ага, — кивнула Глаша и тут же снова всхлипнула. — Только хранительница из меня никакая. Печь не слушается, еда пригорает, пыль по углам копится. Я стараюсь, честное слово! Всё время стараюсь! Но ничего не выходит. Вот даже сегодня — встала затемно, хотела вам завтрак приготовить. Думала, хоть каша получится. А она...

Она махнула рукой в сторону чёрного комка на полу и чуть не заплакала снова.

Велина нахмурилась. Она видела: Глаша не ленится. Она действительно старается изо всех сил. Но что-то мешает ей. Что-то, что глушит любую магию, кроме той, что течёт в жилах истинной хозяйки.

— Ох...

Звук раздался откуда-то из угла. Велина обернулась. Мора парила под потолком, полупрозрачная и печальная. Она, кажется, наблюдала за происходящим с самого начала, но не вмешивалась.

— Ох, Глаша, бедная... — произнесла она. — Ты не виновата. Дом тебя не слышит. И не услышит, пока не проснётся по-настоящему.

— Что значит «не проснётся»? — резко спросила Велина. — Вы вчера говорили, что дом ждёт кровную хозяйку. Я здесь. Что ещё нужно?

Мора опустилась ниже, почти до самого пола. Её призрачное лицо было серьёзным — Велина ещё не видела её такой.

— Дом наш — не просто стены да крыша... Это сердце рода. А сердце спит, когда кровь в жилах стынет. Ведана была добрая, но чужая кровь. Дом её принял, но не ожил. А ты — своя. Но дом тебя ещё не признал хозяином. Он только принюхивается.

— И что мне сделать, чтобы он «проснулся»? — Велина скрестила руки на груди.

Мора покачала головой. Её призрачные волосы колыхнулись, как под водой.

— Не магия нужна дому... Магии у тебя с избытком. Но дом питается не магией. А чувствами. Искренней благодарностью. Добрыми делами.

— Благодарностью? — переспросила Велина. — То есть я должна кому-то помочь, человек скажет «спасибо», и дом от этого станет сильнее?

— Я не знаю, что такое «сильнее». — Мора задумалась. — Но когда прежние хозяйки помогали людям, а те благодарили их от чистого сердца... Дом расцветал. Сад плодоносил,

фонтан журчал, печь сама топилась. И Глаша готовила так, что соседи облизывались.

— Ага! — подтвердила Глаша. — Я раньше хорошо готовила! Честное слово! У меня и пироги, и каша, и хлеб — всё получалось! А теперь... — она сникла. — Теперь ничего.

Велина задумалась. В Академии их учили, что магия — это сила, которую можно измерить, рассчитать, направить. А тут ей предлагали поверить, что дом реагирует на благодарность? На обычные человеческие «спасибо»? Это казалось абсурдным. Но, с другой стороны, она же сама вчера чувствовала тепло, исходящее от спящих деревьев. Она чувствовала, как её магия здоровается с домом. Может, Мора права.

— Ладно, — сказала она. — Раз дом питается благодарностями, будем добывать благодарности. У меня где-то была вывеска «Травница». Повешу — и пусть приходят.

— Правда? — Мора оживилась. — Горячая хозяйка, правда откроешь лавку?

— А что мне остаётся? — Велина пожала плечами. — Проклятие не даёт уехать. Значит, буду работать. В конце концов, я боевой маг с отличием. Если смогла поджечь декана, то уж настойку от кашля как-нибудь сварю.

Глаша просияла. Её чумазое личико озарилось такой радостью, что Велина на мгновение почувствовала себя... значимой. Это было странное, непривычное чувство.

— Ой, хозяюшка! — воскликнула она. — Я помогу! Я

всё умею! То есть раньше умела... Но теперь, может, снова научусь! Если вы печь наладите и дом проснётся — я такие пироги испеку! Пальчики оближете!

— Посмотрим, — Велина невольно улыбнулась. — А пока давай наведём здесь порядок. Я не собираюсь жить в свинарнике.

— Я мигом! — Глаша бросилась к тряпке. — Я всё уберу! И полы вымою! И...

Она не договорила. Входная дверь скрипнула, и на пороге кухни появился старичок.

Он был ростом с табуретку. Кафтан его был сшит из кусочков мха, коры и сухих листьев — будто он только что вылез из лесной чащи. Седая борода торчала в разные стороны, и в ней запутались мелкие веточки и прошлогодние жёлуди. Глаза — маленькие, чёрные, как бусины, — смотрели на происходящее с крайним неодобрением.

Он принюхался, сморщил нос и проворчал:

— Опять дымом тянет... И трава на крыльце примята... Никакого уважения к земле! Ходят тут, топчут, а я потом восстанавливай...

— А это ещё кто? — спросила Велина, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Дворовой, — пояснила Мора. — Он за садом и двором приглядывает. Вредный очень, но полезный.

— Я не вредный! — огрызнулся старичок. — Я справедливый! Вот ты, — он ткнул пальцем в Велину, — новая хо-

зяйка. Кровь в тебе есть, это я чую. Но травы на крыльце примяла! Нехорошо.

— Я чемодан несла, — сказала Велина. — Тяжёлый. Простите, что примяла ваши травы.

Дворовой на мгновение замер, будто не ожидал извинений. Потом фыркнул — но уже не так сердито.

— «Простите», — передразнил он. — Ладно уж. Травы новые вырастут. Но в следующий раз — по дорожке ходи! Дорожка для того и проложена!

С этими словами он топнул ногой. Половица под ним скрипнула особенно жалобно, и старичок растаял в воздухе, оставив после себя запах влажной земли и прелых листьев.

Велина посмотрела на то место, где он только что стоял, потом перевела взгляд на Мору.

— И часто он так?

— Он вообще редко показывается. Только когда недоволен. А недоволен он почти всегда.

— Чудесно, — пробормотала Велина. — Привидение, домовушка, Дворовой. Для полного комплекта не хватает только кота и совы.

Мора улыбнулась — впервые за всё время. Не просто дрогнула уголками губ, а улыбнулась по-настоящему, и её печаль словно растаяла, сделав призрачное лицо светлым.

— Кота у нас пока нет. А сова... Сова есть. На чердаке живёт. Книги читает.

Велина моргнула.

— Сова? Читает книги?

— Да. Ухта её зовут. Она грамотная. И очки носит.

— Сова в очках, которая читает книги, — медленно произнесла Велина. — Конечно. А чего ещё ожидать от этого дома?

— Угу, — раздалось сверху. — Угу. Совы в очках — обычное дело. Угу. Не надо стереотипов.

Велина подняла голову. В проёме люка, ведущего на чердак, сидела сова. Круглая, с большими жёлтыми глазами и взъерошенными перьями. На клюве у неё красовались маленькие круглые очки в тонкой металлической оправе. Стёкла были чуть запотевшими — видимо, сова только что проснулась.

— Угу, — повторила она. — Я Ухта. Угу. Живу на чердаке. Угу. Читаю книги. Угу. В очках. Угу. А ты новая хозяйка. Угу. Огненная. Угу. Громкая. Угу. Разбудила меня.

— Простите, — машинально сказала Велина.

— Угу. Ничего. Угу. Я всё равно собиралась просыпаться. Угу. К вечеру. Угу. Ладно, пойду читать. Угу. Увидимся.

И она исчезла в глубине чердака.

Велина постояла ещё минуту, глядя на люк. Потом повернулась к Глаше.

— Давай завтракать, — сказала она. — Что там у нас из того, что не сгорело?

Глаша просияла и начала суетиться вокруг стола. Через несколько минут перед Велиной стояла тарелка с хлебом, сы-

ром, маслом и мёдом. И чашка горячего чая с мятой — вода для него, по счастью, не успела выкипеть.

Велина ела и думала. Дом с привидением. Домовушка, которая не умеет готовить. Дворовой, который ворчит на примятую траву. Сова в очках, которая читает книги. И все они ждут, что она, боевой маг с дипломом с отличия, откроет лавку и будет продавать ромашку, чтобы «разбудить» дом.

— Ладно, — сказала она, отставляя чашку. — Глаша, где у нас вывеска «Травница»? Пора открывать лавку.

Глаша ахнула и уронила тряпку, которой протирала стол.

— Прямо сейчас?!

— А чего тянуть? Дом хочет благодарностей — будут ему благодарности.

Мора прижала призрачный платок к груди.

— Я знала, что ты справишься... Знала...

— Я пока не справилась, — уточнила Велина. — Я только собираюсь попробовать. Но если у меня не получится — я всегда могу вернуться к плану «всех взорвать».

Мора издала странный звук — нечто среднее между вздохом и смешком.

— Горячая ты... Прямо как я в молодости. Посмотрим, что из этого выйдет.

И она растаяла в воздухе, оставив после себя запах лаванды.

Глава 4. Неправильный ритуал и правильный кот

Прошло три дня. Велина успела немного обжиться, разобрать самые большие завалы в доме и даже повесить вывеску «Травница» над входной дверью — правда, пока без особого результата. Деревенские присматривались к новой хозяйке старого дома издалека, но заходить не спешили. Мора объяснила это просто: «Ох, они боятся. Ох, дом столько лет пустовал... Ох, нужно время». Велина не спорила — время у неё теперь было.

Гораздо больше её занимал подвал. Точнее, запечатанная дверь, которую она обнаружила в первый же день, но не решалась открыть. Дверь была тяжёлой, дубовой, обитой железными полосами и покрытой выцветшими рунами. Руны слабо светились в темноте — тусклым, едва заметным светом. Они были старыми, очень старыми, но всё ещё действующими.

— Только кровь рода, — напомнила Мора, паря за плечом Велины. — Только кровь откроет.

Велина стояла перед дверью, скрестив руки на груди. Она чувствовала магию, исходящую от рун, — древнюю, мощную, застоявшуюся, как вода в старом колодце. Воздух в подвале был холодным и влажным, пах землёй после грозы и чем-то ещё — терпким, магическим, почти осязаемым. Этот запах напоминал ей о полигонах Академии после особо мощных заклинаний.

— А если не откроет? — спросила она. — Что, если я недостаточно «кровная»?

— Ох, откроет, — Мора покачала головой. — Ты — та, кого дом ждал. Я это чувствую.

Велина пожала плечами и прижала ладонь к холодному дереву.

В первый миг ничего не произошло. Она уже собиралась отдёрнуть руку, но вдруг почувствовала: руны ожили. Они не просто вспыхнули — они потянулись к её ладони, как живые лианы, оплетая пальцы тёплым, пульсирующим светом. Магия рода проверяла её — не грубо, не враждебно, а скорее с любопытством. Как старый сторожевой пёс, обнюхивающий незнакомца. Свой? Чужой?

— Своя, — прошептала Велина. — Пусти.

Дверь со скрипом отворилась.

За ней оказалась лаборатория.

Велина замерла на пороге, не в силах сдержать восхищённого вздоха. Это была не просто комната — это был храм алхимии. Огромный каменный стол в центре, уставленный горелками, ретортами, перегонными кубами и тиглями. Вдоль стен — стеллажи, забитые банками с ингредиентами: сушёные травы, порошки, кристаллы, коренья, заспиртованные образцы в мутных склянках. Книжные полки, уставленные фолиантами в кожаных переплётах. На крюках под потолком висели пучки трав, источавшие слабый, но различимый аромат. И в центре всего этого великолепия, на специальной подставке, стоял массивный чугунный котелок — чёрный, на трёх ножках, с выгравированными по боку рунами.

Велина шагнула внутрь. Её шаги гулко отдавались в тишине. Она провела пальцами по столешнице, оставляя дорожку в пыли, коснулась холодного бока котелка.

— Посудина, да? — пробормотала она, вспоминая слова Моры. — А ты непростая посудина. Я чувствую в тебе магию. Древнюю. Сильную.

— Ох, конечно, сильную, — Мора вплыла в лабораторию следом. — Ох, в нём ещё моя прабабка зелья варила. И её мать. Сила рода в нём копилась веками. Он только крови нашей подчиняется.

— Значит, он мой, — Велина взяла котелок в руки. Он был тяжёлым, основательным, но удивительно удобным — будто созданным именно для её ладоней.

Она поставила его на место и подошла к книжной полке. Пальцы скользнули по корешкам — старым, потрескавшимся, с выцветшими названиями. «Травы Северных Лесов», «Искусство зельеварения», «О духах и сущностях»... И наконец — большой фолиант в тёмно-зелёном переплёте, с вытисненными золотом рунами. Родовая книга.

Велина сняла её с полки и раскрыла наугад. Страницы были исписаны мелким, но разборчивым почерком. Рецепты зелий, описания трав, схемы ритуалов, заметки на полях. «Добавить на кончике ножа», «Не перегревать!», «Осторожно! Взрывается!» — последняя пометка была подчёркнута трижды.

— Уважаю, — хмыкнула Велина. — Предки знали толк

в веселье.

Она пролистала ещё несколько страниц и наткнулась на заголовок, написанный крупными буквами: «О призыве духов-помощников и фамильяров».

Велина замерла.

Фамильяр. Магический помощник, спутник, связанный с ведьмой кровными узами. В Академии им читали лекции о фамильярах, но сама она никогда не задумывалась о том, чтобы завести своего. Боевому магу фамильяр не особо нужен — врагов проще взрывать самому.

Но сейчас, в этом старом доме, с лабораторией, полной ингредиентов, и родовой книгой в руках, идея показалась... заманчивой. У неё был дом. У неё были духи-помощники. Но не было своего — того, кто связан именно с ней, кто чувствует её, а она — его.

— Мора, — позвала она. — Ты призывала фамильяра?

— Ох, призывала, — отозвалась Мора, подплывая ближе. — Ох, давно это было. Ещё при жизни. Хороший был фамильяр — ворон. Прожил со мной двадцать лет. Улетел, когда я умерла.

— А ритуал сложный?

— Ох, несложный. — Мора заглянула в книгу через плечо Велины. — Вот этот, на семьдесят четвёртой странице. «Призыв духа-хранителя». Простой ритуал, для начинающих. Ингредиенты есть в лаборатории.

Велина пролистала до указанной страницы. Действитель-

но, ритуал выглядел несложным. Круг, несколько свечей, щепотка трав, капля крови призывающего и короткое заклинание на древнем наречии. С этим даже первокурсник справился бы.

Но было кое-что ещё. В описании ритуального жеста значилось: «Плавное движение ладонью по часовой стрелке, как будто гладишь воду». Велина перечитала эту фразу дважды. Плавное. Мягкое. Как гладить воду.

Она посмотрела на свою правую руку — ту самую, которая четыре года тренировалась наносить резкие, рубящие удары, выбрасывать вперёд огненные шары и ломать защитные барьеры.

— Плавное, — пробормотала она. — Ладно. Справлюсь.

Она собрала ингредиенты: свечи нашлись в ящике стола — старые, но целые. Травы — на стеллажах, в подписанных банках. Мел для круга — в коробке у двери. Проверила всё дважды, сверяясь с книгой. Всё было правильно.

Велина расчистила место на полу лаборатории, начертила круг, расставила свечи. Рука, державшая мелок, чуть дрожала — она и сама не могла понять, от волнения или от напряжения. Она не привыкла к тонкой работе. Её магия была другой — грубой, силовой, взрывной. А тут требовалось... изящество.

— Так, — сказала она, вставая в центр круга. — Теперь кровь.

Она достала из кармана маленький ножик и уколола па-

лец. Капля крови упала в центр круга, на начерченный мелом символ.

Свечи вспыхнули сами собой.

Велина начала читать заклинание. Древние слова звучали непривычно, гортанно, но она старательно выговаривала каждый слог, как было написано в книге. Её голос звучал уверенно — громче, чем нужно, но она не замечала этого.

Она дошла до финальной фразы. Теперь — жест. «Плавное движение ладонью по часовой стрелке, как будто гладишь воду».

Велина занесла руку. Сосредоточилась. Представила воду — спокойную, неподвижную гладь озера. Сейчас она коснётся её — мягко, бережно...

Её ладонь дёрнулась и рубанула воздух.

Это вышло само собой — инстинктивно, как на полигоне. В последний момент многолетняя привычка взяла верх. Вместо плавного круга рука описала резкую, рубящую дугу — так, как она рассекала воздух перед тем, как швырнуть во врага огненный шар.

— Ох! — вскрикнула Мора. — Жест!

Но было поздно.

В центре круга вспыхнул ослепительный свет. Воздух задрожал, пошёл рябью, как над раскалённой сковородой. Раздался хлопок — громкий, как пушечный выстрел, — и лабораторию заволокло густым, пахнущим серой дымом.

Велина закашлялась и отступила на шаг. Глаза слезились.

Она взмахнула рукой, разгоняя дым.

Когда дым рассеялся, в центре круга, на том самом месте, куда упала капля крови, сидел кот.

Чёрный. Тощий. С облезлой шерстью и драным ухом. Он сидел, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на Велину янтарными глазами, в которых плясали искры — почти как у неё самой. На лбу у него красовались две крошечные шишки, едва заметные под шерстью.

Велина смотрела на кота. Кот смотрел на Велину.

Молчание затянулось.

А потом кот чихнул — громко, с чувством, — и принялся отряхиваться от сажи.

— Ну, — произнёс он хрипловатым, прокуренным голосом, — и кто это у нас тут такой умный? Кто ритуал призыва проводил, не удосужившись выучить правильный жест?

Велина открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Ты говоришь, — выдавила она.

— Говорю, — подтвердил кот, не прекращая вылизывать лапу. — И вижу. И слышу. И нюхаю. И, между прочим, нюхаю я сейчас серу, паленую шерсть и чью-то вопиющую магическую безграмотность.

Он встал, потянулся, демонстрируя тощее тело и торчащие ребра, и снова чихнул — на этот раз в сторону.

— Где я? — спросил он, оглядывая лабораторию с выражением крайнего неодобрения. — Что за дыра? Почему так темно? И почему от тебя несёт огнём и разочарованием?

Велина наконец обрела дар речи.

— Это мой дом, — сказала она. — Точнее, дом моей дальней родственницы, который теперь мой. А ты... ты кто?

Кот перестал вылизываться и посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом.

— Я тот, кого ты призвала, горе-ведьма. Только призвала ты меня неправильно. Вместо простого духа-помощника — какого-нибудь безмозглого домового или ручного воронёнка — ты умудрилась пробить портал на Изнанку и выдернуть оттуда меня.

— Изнанку? — переспросила Велина. — Это что ещё за место?

Кот фыркнул.

— Изнанка, дорогуша, — это место, откуда нормальные маги не призывают фамильяров. Потому что с Изнанки приходят только те, кто не должен приходить. Тени, стражи, хранители порогов. Существа, которых лучше не трогать. И я — одно из них. Я должен был охранять Северный Порог. У меня был график, смена через трое суток, миска с едой и угол у очага. А теперь я здесь. В этой... где это вообще?

— Глухомостье, — машинально ответила Велина.

— Глухо-что? — кот подавился собственной шерстью. — Ты серьёзно? Деревня называется Глухомостье?! Я попал из Изнанки в место, которое называется Глухомостье?!

— Там ещё лес рядом, — зачем-то добавила Велина. — И речка.

— Лес и речка, — повторил кот с убийственным сарказмом. — Чудесно. Просто чудесно. Я — Страж Изнанки, существо, от одного вида которого трепещут демоны и закрывают глаза смертные. А теперь я в Глухомостье. У речки. С ведьмой, которая не умеет проводить простейший призыв.

— Слушай, ты, клочок шерсти! — вспыхнула Велина. Искры в её волосах снова заплясали. — Я, между прочим, боевой маг с дипломом с отличия! А жест... жест я перепутала случайно!

— «Случайно», — передразнил кот. — Твоя «случайность» создала мост между мирами. Твоя кровь держит меня здесь. Твоя ошибка в жесте заперла меня в этом теле, и я не могу пересечь границу обратно. Так что — спасибо, горе-ведьма. Ты не просто испортила ритуал. Ты испортила мне жизнь.

Велина замолчала. Гнев схлынул так же быстро, как и появился. Она смотрела на кота — тощего, облезлого, с торчащими ребрами, — и вдруг почувствовала что-то, чего не ожидала. Ответственность.

Она действительно его призвала. Она действительно ошиблась. И теперь он застрял здесь — из-за неё.

— Я могу попробовать исправить, — сказала она уже спокойнее. — В книге должен быть обратный ритуал.

— Не утруждайся, — кот снова принялся вылизываться. — Обратный ритуал в десять раз сложнее. А ты, как я уже понял, пока не в ладах с точностью движений. Ты меня от-

сюда не отправишь. Разве что случайно.

Он закончил с лапой и посмотрел на Велину. В его янтарных глазах всё ещё плясали искры, но теперь в них появилось что-то ещё — любопытство?

— Ладно, — сказал он. — Раз уж я здесь застрял, давай знакомиться. Меня зовут Мурлок-с-Изнанки. Я Страж Северного Порога. Хранитель Грани. И, судя по всему, теперь твой фамильяр.

— Фамильяр? — переспросила Велина.

— А ты думала, призыв духа-помощника — это просто игра? Кровь пролита, связь установлена. Ты, горе-ведьма, теперь моя хозяйка. А я — твой фамильяр. Поздравляю.

Велина опустилась на табурет, стоявший у стены. Ноги вдруг стали ватными. Она хотела духа-помощника. Маленького домового или фамильяра-ворона. А получила... кота. Тощего, саркастичного, с рожками на голове.

— Ты хотя бы мышей ловить умеешь? — спросила она.

— Я Страж Порога, а не дворовый кот! — возмутился Мурлок. — Я не ловлю мышей! Я охраняю грани! Я...

— Значит, будешь Стражем Порога с функциями кота, — перебила Велина. — Добро пожаловать в Глухомостье.

Мурлок открыл рот, чтобы возразить, но осёкся. Посмотрел на неё — долгим, изучающим взглядом. А потом вдруг хмыкнул — не зло, а скорее... с уважением?

— А ты ничего, горе-ведьма, — сказал он. — Дерзкая. Это я уважаю. Ладно. Где тут у вас кормят?

Велина невольно улыбнулась. Она встала, отряхнула халат и направилась к выходу из лаборатории.

— Пошли, — бросила она через плечо. — Познакомлю тебя с остальными. Мора! Ты идёшь?

— Ох, иду, иду, — Мора, всё это время тихо парившая в углу, выплыла следом. — Ох, горячая хозяйка... Ох, фамильяр у тебя... Ох, с характером...

— Как и я, — ответила Велина. — Значит, подходим друг другу.

Мурлок, шагавший следом, фыркнул.

— Посмотрим, — пробормотал он. — Посмотрим.

***

На кухне появление Мурлока вызвало переполох. Глаша, увидев говорящего кота, уронила тряпку и прижалась к стене. Ухта, спустившаяся с чердака на шум, поправила очки и выдала своё неизменное «Угу». Дворовой, проходивший мимо с ведром воды, замер на пороге и уставился на нового жильца.

— Это Мурлок, — представила Велина кота. — Мой фамильяр. Будет жить с нами.

— Фамильяр? — переспросила Глаша, осмелев. — А почему он такой... тощий?

— Потому что меня выдернули с Изнанки без предупреждения! — рявкнул Мурлок. — Я не успел позавтракать! И пообедать! И поужинать! Вообще-то у меня был график пи-

тания, и...

— Глаша, — перебила Велина, — покорми его. Кажется, это решит часть проблем.

Глаша засуетилась, достала из кладовой миску и налила в неё молока. Мурлок посмотрел на молоко с выражением глубочайшего скепсиса.

— Я не пью молоко, — сказал он. — У меня от него несварение. Мясо есть?

— Есть, — пискнула Глаша. — Сейчас принесу.

Через несколько минут перед котом стояла миска с нарезанной курятиной. Мурлок понюхал её, одобрительно кивнул и принялся есть — аккуратно, но очень быстро.

Велина сидела за столом, пила чай и смотрела на эту сцену. Кот с Изнанки. Страж Порога. Фамильяр. Она всё ещё не до конца осознавала, что произошло. Но что-то внутри неё — та самая магия, которая здоровалась с домом и садом, — тихо мурлыкала от удовольствия. Будто всё встало на свои места.

Мора парила под потолком и тихо вздыхала, но теперь в её вздохах слышалось что-то похожее на радость.

— Ох, — произнесла она. — Ох, горячая хозяйка... Ох, теперь всё правильно... Ох, дом, сад, духи и фамильяр... Ох, всё на своих местах...

— Не хватает только посетителей, — заметила Велина. — Но это, кажется, вопрос времени.

Мурлок, доевший мясо, поднял голову от миски и обвёл

кухню изучающим взглядом.

— Значит так, — сказал он. — Я здесь теперь живу. Это мой дом. И это моя ведьма. — Он кивнул на Велину. — И если кто-то попытается причинить ей вред — я за себя не ручаюсь. Вопросы есть?

Вопросов не было. Даже Дворовой на пороге промолчал, только хмыкнул в бороду и ушёл в сад.

Велина смотрела на кота и чувствовала, как внутри разливается странное тепло. У неё не было семьи — только бабушка, да и та умерла. У неё не было друзей — только соперники. А теперь у неё был дом. И духи. И фамильяр, пусть и не тот, которого она хотела.

— Мурлок, — позвала она.

— Что? — кот повернулся к ней, всё ещё с капелькой молока на усах. (Видимо, всё-таки попробовал.)

— Добро пожаловать домой.

Кот моргнул. Его янтарные глаза на мгновение вспыхнули красным — как тогда, в лаборатории. Потом он отвернулся и принялся вылизывать усы.

— Ладно, — буркнул он. — Пусть будет «домой». Но мясо чтобы свежее. И без молока.

Велина улыбнулась и отпила чай.

Глава 5. Первая настойка и первая благодарность

Прошло ещё два дня. Велина наконец решилась открыть лавку по-настоящему — не просто повесить вывеску, а при-

вести торговый зал в порядок и приготовиться к приёму посетителей. Если уж она застряла в Глухомостье, то идти до конца — так её учили в Академии. Правда, в Академии «идти до конца» обычно означало «взорвать полигон», а не «протереть пыль с банок», но суть та же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.